

Наша жизнь в искусстве

Вот путь, и нет другого для очищения зрения. Следуйте по нему.

(Дхаммапада. XX, 274)

Федор Ермилович Уяр — классик чувашской литературы 20-го века. Не хочется верить, но мы вынуждены говорить сейчас об этом в прошедшем времени. О том, что он был классиком чувашской прозы при жизни, знали многие, догадывались еще некоторые, «подозревали» все, кто не утратил способности читать по-чувашски. Простой, до степени наготы, его чувашский язык, абсолютная преданность писательскому ремеслу («святое ремесло» — М. Цветаева), моральный авторитет — все это свидетельство того, что он действительно вошел в сонм классиков — властителей чувашских дум.

«Творчество Федора Уяра — крупнейшее явление чувашской литературы. Художественные его поиски сконцентрированы в себе принципы полемики отношения к проблеме человека в искусстве», — так пишет в своей монографии «Художественный мир Федора Уяра (проблемы типологии, поэтики и художественной семантики)» литературовед Георгий Федоров.

Уяр прошел свой путь, и его «странствия» в жизни и в искусстве — это нравственный урок для других, тех, кто вступает на эту стезю и сам пытается сделать усилие. Открывая для себя пестрый мир, вечно изменяющуюся жизнь, он, следуя мудрости древних (см. Дхаммапада. XX, 281), был всегда внимателен к Слову, смирил свой ум и не делал ничего дурного. Это кажется таким простым — но нет ничего труднее в этом мире, полном жизненных страстей и низменных людских — и только следуя этому уроку, ты очищаешь для себя путь сосредоточенного и спокойного действия.

Говоря по-буддийски, мы можем определить Хведера Уяра как истинного бродягу Дхармы. Он всегда был легок на подъем, обуреваем жадной видеть этот мир. Он мог отправиться на трассу БАМа и чуть ли не пешком пройти 350-километровый отрезок по пути от Березового до Ургала. А мог вдруг увлечься экзотичной Юго-Восточной Азией, Индией, Цейлоном и планировать свое оче-

редное путешествие в этот уголок земного шара. Тема пути и вообще приверженность к путевой прозе характерны для писателя, побывавшего во многих местах нашей страны и за рубежом. Еще названия первых его книг говорят об этом: «Тропа» (1941), «Пути и дороги» (1943), а также вышедшие позднее «Всегда в пути» (1958), «По родной стране» (1960), «В Шуше, у подножия Саян» (1970), «Книга дорог» (1978). И в этой его путевой прозе был сплав всего: философии, публицистики, лиризма, социологической анкеты и трактата об эстетике. Какой еще жанр может вместить весь этот ворох информации? Только — путешествие. Рассказ об увиденном в пути, пережитом. Жанр с зыбкими, размытыми границами.

... В дороге всегда что-нибудь да происходит. Путешествие — занимательно, оно отвлекает от текучки будней. С другой стороны, здесь как бы проверяется наблюдательность писателя, его умение увидеть, почувствовать за короткое мгновение остановки и пейзаж местности, и характер человека, с которым свела дорога, а может быть, и его судьбу. И потому путевой очерк, жанр путешествия в лучших образцах — высокий класс прозы, ибо здесь нет спасительной пружины сюжета, нет места вранью. Есть само течение жизни в его изменениях пространств и расстояний. И самое главное — есть автор. Он почти не спрятан за своих героев (как часто бывает в обычной

прозе), или, во всяком случае, он с ними на равных, он сам герой повествования. Путевая проза — это само естество прозы. Разве сама жизнь — не путь? Путь, протянувшийся во времени.

Проблема человека, экзистенциальная по своей сути, для Уяра органично связывается с философским, архетипическим образом Пути. Каждый должен пройти свой путь. Вот его повесть «Где ты, море?», которая перекликается с айтматовским «Пегим псом, бегущим краем моря». В ней Уяр как бы «подключил» чувашскую прозу к «мироведению» в творчестве Чингиза Айтматова тех лет, суть которого в поиске духовного потенциала отдельного человека, личности в ее самостоятельности (а не толпы, коллектива совков, серой массы большинства и т.д.). Эта небольшая вещь вызвала ожесточенную волну «проработочной» жесткой критики в середине 70-х.

С моей точки зрения, повесть, написанная в беспощадной, остропсихологической манере письма, имеет два уровня прочтения. Первый — приземленный, бытовой; тогда автор может показаться мелочным аналитиком, фиксирующим почти с патологической вездливостью все тягости, выпавшие на долю мальчика, его внутреннее отчаяние, когда остается только одно — двигаться, ползти, только бы выжить... Второй: все те муки и весь тернистый путь Пэдера, в конце которого он таки звериным чутьем находит стойбище звенков и своего друга Амикана, есть символическое изображение пути вообще. Потому что повесть эта о людях и отдельном человеке среди них. О людях и Лесе. О том, что путь — это не просто расстояние от точки до точки и не только затраченные физические усилия, солёный пот, сбитые ноги, но пройденный путь в глубинном смысле означает обрести самого себя. Мы бежим от себя в дорогу и там находим себя. Не так ли и сам писатель обрел новое зрение в этой сравнительно небольшой по объему вещи, открыл новые выразительные возможности своего гибкого и емкого стиля? Здесь чувствуется символичность изображения, параболичность повествования, и это позволило Уяру многое сказать о потенциале нравственности, духовности в разных национальных культурах.

Предан и почтителен писатель к Слову. Честная проза зиждется на этом пьестете. Но отношения взыскательного мастера (каковым и является Уяр) с языком, они по-особому интимны, резко характер-

ны и индивидуальны. Думаю, что любой человек, читающий по-чувашски, безошибочно узнает стиль Уяра. Человек он тонкий, наблюдательный, по-своему видит вещи, людей, явления. Его манера исполнена теплой симпатией, иногда иронична, богата разного рода обертонами — редкими словечками, архаизмами и диалектизмами. И все написано без натуги, легко, свободно, как бы играючи. Обманчивая простота Языка, за которой скрыт глубинный смысловой подтекст. Явно неравнодушен он к слову народному, искрометному. Здесь писатель замыкает ту традицию чувашской литературы, которая восходит к сатирику Ивану Мучи, стихотворцу-наивисту Николаю Шелеби, блестящему мастеру гротеска и иронии Илле Тэхти. Их писатель, очевидно, мог бы назвать своими литературными наставниками. Им будто удалось зачерпнуть из самого источника народной словесности, и импровизационное, стихийное начало, характерное для безымянных народных ораторов и скоморохов-балагуров, они вводят в письменную литературу, открывают страницы своих книг для живого велеречия. А оно по природе своей предназначено «на слух», и, к сожалению, эти мастера чувашского сказа (здесь все дело в том, как рассказывается) со своими речевыми жестами, интонацией, мимикой настолько выразительны и настолько чувашские, что, боюсь, почти непереводаемы на иной язык. Во всяком случае ключ пока к ним не найден. Некоторые из этих авторов оказали заметное влияние и на стиль прозы Уяра. Правда, в его «серьезной» прозе это влияние не очень заметно, приглушено, зато, обращаясь к юмору, писатель часто демонстрирует блестящее владение этим стилистическим регистром чувашского языка.

Пожалуй, самым известным произведением чувашского писателя является роман-диалог «Близ Акрамова» (1. Тенета; 2. Беглец). Долго и трудно создавалась эта книга, она плод чуть ли не полувековых напряженных усилий. Он строил этот Текст, как крестьянин строит свой дом, обстоятельно, спокойно и неторопливо, снова и снова возвращаясь к образам героев, историческим условиям их экзистенции, сюжетным коллизиям.

Трудное время показано в романе — период вызревания «гроздей гнева» в сердцах нищих чувашских крестьян. Их стремление к свету в темную, глухую пору. Свет вспыхнул для них в трагический момент, когда полыхнула яростным

пламенем так называемая Акрамовская война 1842 года, одно из самых драматичных событий для чувашей в 19-м веке. Собственно говоря, в романе автор излагает свою художественную концепцию первой, «смутной», половины этого столетия.

Герои романа вошли в сознание читателя, потому что в их характерах сконцентрирована суть противоречий того времени. Это художественно одаренный Ухтиван, сердце которого уязвлено искрой мщения к тем, кто погубил его несчастного отца, забитого старика Яриле, отнял у него любимую; хитрый и изворотливый Яга Илле, его сын Ивук, который ради теплого местечка готов подвергнуть любому унижению — вплоть до телесного наказания и даже полного физического уничтожения — своих же односельчан; это и страшный, звероподобный, жестокий до садизма мироедкоштан Шахрун. Все они проходят свой путь — и ведет их или истинная человечность, или же неумная жажда власти, денег, которые позволяют безнаказанно творить произвол среди малых и сирых мира сего. Но эти люди не безропотны, они — народ, чаша терпения которого вот-вот переполнится...

Чувашский девятнадцатый век на его изломе мы познавали по этому роману. В нем мы находили органичный синтез исторической конкретики, фактографии и, одновременно, глубокое проникновение в «коллективное бессознательное» чувашского народа. Пользуясь иносказанием, Уяр точно расставлял смысловые акценты, пунктиром он реконструировал «моменты» чувашской истории, обогащал их игрой своего воображения и снова увязывал свой Текст с архетипом Пути. Г. Федоров, наиболее дотошный интерпретатор прозы Уяра, пишет: «Эпосное» дыхание мира, вселенский характер предстоящей и настоящей действительности, необходимость понимания человеком своего предназначения, осознания того, что как бы катарсическое, очищающее состояние жизни непосредственно и побуждают героя к поиску пути, вскрыты и показаны Уяром весьма убедительно». Тем самым роман мощным ледоколом врывается в наше постылое сегодня (то есть это не историческое повествование) и ставит опять проблему Человека, с его нынешним ложным и предательским отношением к естеству, его зомбированностью текущими политическими дрязгами, ставит проблему нравственного вы-

бора («выбора пути»), который мы обязаны делать и в современности, и всегда нужно было делать на скрещивании трагических путей истории, в условиях пограничных ситуаций.

Уяр — был строгим Мастером, и многое ему претило в писательских суетных буднях. В эссе «Чему нас учит жизнь Саламова» он создает собирательный образ литератора — бодрого удалца-молодца. Саламов и драматург, и критик, и прозаик. Везде успевает, всюду мелькает его имя. Но до поры, до времени... Ведь такого рода литераторы понимают искусство по принципу «все на продажу», а сам творческий процесс им представляется аренной междоусобной борьбой. В этой мышинной беготне, в суетном и торопливом расталкивании всех локтями, чтобы первым успеть пробиться к кормушке, рабски преданно взглянуть в лицо власти, теряются безвозвратно цели, которым служит искусство. А оно не прощает. Предавшему «цели» и выбравшему «средства» уж не услышать, как «требует поэта к священной жертве Аполлон...»

Уяр «убегал» от всей этой суеты в дорогу. Снова — в путь! Чтобы душа напиталась свежими впечатлениями, чтобы снова остро почувствовать жизнь и, возвратясь из странствий, снова подчиниться власти того же Слова, склониться над рабочим столом и писать, и писать.

... Теперь он очистил свой Путь навсегда. Есть одно емкое и красивое чувашское слово «мехель». Точный перевод его на русский язык, пожалуй, невозможен. Чувашское «мехель» — это «срок; возможность; деяние, совершаемое по милости высшего существа; наиболее благоприятное время для свершения той или иной работы». Такой момент! — мехель — это и умение, терпение ждать своего часа, когда душа изливается свободно и непринужденно, а рука писателя послушно следует его велениям. Такой час уже давно наступил и для лучших произведений Уяра, и он обрел свое слово. Но... «О, строитель дома, ты видишь! Ты уже не построил снова дома. Все твои строения разрушены, конек на крыше уничтожен. Разум на пути к развеществлению достиг уничтожения желаний» (Дхаммапада. XI, 154). Нам же, пока мы следуем по своему пути (указанному мудрыми классиками), всегда будет хватать Хведера Уяра как в литературе, так и в жизни. Мы осиротели...

Атнер ХУЗАНГАЙ.

РЕСПУБЛИКА И.о. главного редактора Г.П. ВРОНСКАЯ.

Учредители — Государственный Совет Чувашской Республики, журналистский коллектив редакции газеты. Телефоны редакции - 23-32-08, 20-93-50. Наш адрес: 428013, г. Чебоксары, ул. Калинина, 66, к. 224, 337, Дом Союзов. Подписной индекс в каталоге — 54803.

Адрес Государственного Совета Чувашской Республики в Интернете: Internet: http://www.gs.Chuvashia.com.

Газета зарегистрирована региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати в Чувашской Республике 5 марта 1996 г. Свидетельство о регистрации № Ч 0188.

Номер отпечатан с готовых пленок в издательстве «Чувашия», г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13. Тираж 1100. Заказ № 1680. Подписано 27.07.2000 г. по графику в 14.00, фактически в 14.00.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность рекламных сведений отвечает рекламодатель, цены в объявлениях указаны на момент публикации.